

**МЕТАФОРЫ, СВЯЗАННЫЕ С ОБРАЗАМИ ЖИВОТНЫХ В ПОЭМЕ
Ю. БАЛАСАГУНИ «КУТАДГУ БИЛИГ» И АДЕКВАТНОСТЬ ИХ
ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫКИ**

**Касиева А.А.
ИИМОП КГНУ**

Общеизвестно, что «Кутадгу билиг» являющийся первым письменным памятником тюркоязычных народов, занимает достойное место в ряду ярких образцов мировой художественной мысли. Это произведение вот уже на протяжении 10 веков не теряет свою историко-художественную значимость, храня в себе самые передовые и высокие идеи прогрессивных мыслителей XI века, которые и сыграли основную роль, и создали почву для ее появления именно в эту эпоху. Появление этой поэмы является не случайностью, а закономерным результатом развития древней литературы тюркоязычных народов.

«Кутадгу билиг» - сложное в жанровом отношении произведение. Почти все исследователи подчеркивают дидактический характер поэмы (**Валитова, 1961:77-88**). Например, один из крупнейших исследователей «Кутадгу билиг» И.В.Стеблева пишет: «Первая в истории тюркоязычной классической литературы поэма вобрала в себя несколько жанров арабской и персидской поэзии, которые в процессе дальнейшего развития тюркоязычной поэзии обособились в самостоятельный литературный жанр» (**Стеблева, 1970 №4:94-100**).

Придает произведению целостность и гармоничность тюркская культурная традиция, которая воплотилась в отголосках степной лирики тюрков-кочевников, в чисто тюркских именах героев, которые в преобразованном виде Юсуф Баласагуни вплетал в ткань повествования и в них же ярко проявилась тюркская эпическая традиция: Кюнтогды – «Солнце взошло», Айтолды – «Полная луна», Огдюльмиш – «Достохвальный» и Одгурмыш – «Непритязательный».

Десять столетий беседуют между собой четыре главных героя Юсуфа Баласагуни. Их беседы – о смысле бытия, о человеческом счастье, о достоинствах, которыми должен обладать человек, об идеальном устройстве общества. И эти мысли (идеи) составляют основное содержание поэмы «Основа сей книги, - пишет мудрец из Баласагуна - несколько непреходяще ценных суждений: первая – Справедливость, вторая – Счастье, третья – Разум, четвертая – Непритязательность». Их воплощением и предстают герои «Кутадгу билиг». Элик Кюнтогды (его имя означает: «Солнце взошло», «День занялся») аллегорически олицетворяет собою Справедливость (Правду), Айтолды (дословно: «Полнолуние», «Луна стала полной») символизирует Счастье, Огдюльмиш («Достохвальный») являет в себе свойства Разума (Ума) мудро сдержанный и скромный Одгурмыш аллегорически представляет Непритязательность (**Юсуф Баласагуни, 1990:17**).

Таким образом, художественная речь призвана создавать образы в сознании читающего или слушающего, воздействовать на его чувства и настроение.

Подчеркивая именно эту функцию слова Г.О.Винокур пишет: «... Попадая в художественный текст, слово включается в сложную образную систему произведения, и неизменно выполняет эстетическую функцию» (**Винокур, 1959:390**).

Итак, в поэме наряду с синтезом различных литературных традиций проявилась и характерная для всех средневековых литератур «эстетика подобающего», т.е. здесь имеются клишированные обороты, выраженные, прежде всего, различными видами тропов (метафора, сравнения, эпитеты), которые автор употребляет. Так, например, даже весьма отвлеченные рассуждения поэт часто строит на основе ярких образов, взятых из кочевой скотоводческой и охотничьей жизни (**Сапарбаев, 1975:41**)

Например: 280. Ми⁴ эрдэм кэрэк бу жахан тутгука

К³р арслан кэрэк бу кулан басгука.

284. Умелым быть должен властитель всех стран:

Лишь грозному лову покорится кулан.

Из вышеприведенного бейта следует, что элик должен быть твердым, сильным и решительным, как лев, поскольку «кулан»-дикое животное. Так, основываясь на смелых ассоциациях, в поэме создан емкий образ элика.

Наиболее часто используемым тропом в «Кутадгу билиг» является метафора. С ее помощью автор дает описания самых разных предметов и явлений (природы, человека, животных и т.д.), и поскольку жизненные потребности тюрка были тесно связаны с животным миром, считаю целесообразным рассмотреть некоторые особенности употребления Юсуфом Баласагуни метафор, связанных с животными, а также адекватность их перевода на русский и английский языки.

Особую ценность для тюркских народов представляли такие животные как: лошадь, так как она была первой необходимостью как для тюрка-кочевника, так и для тюрка-воина, лев являлся воплощением силы, скот, овцы и т.д. Это и обусловило широкое распространение метафор, связанных с диким и домашним животным миром. А так как «Кутадгу билиг» является тюркским произведением, в нем очень часто встречаются образы животных, которые семантически передают значения отдельных качеств человека.

Говоря о роли животных в величайшем кыргызском эпосе «Манас» А.Сапарбаев пишет: «В эпосе лев, тигр, рысь, барс, волк, дракон символизируют силу, ловкость, смелость, дерзость, употребляются как эпитеты, как метафоры и сравнения» (**Сапарбаев, 1975:21**).

Но так как сфера употребления метафор как в тюркских так и в киргизском языках одинаковы, в поэме «Кутадгу билиг» эти животные выполняют те же функции, что и в эпосе «Манас».

Например: арслан «лев» или к³р арслан «отважный лев», рисует образ храброго и бесстрашного человека. Арслан «лев» встречается в 16 бейтах поэмы «Кутадгу билиг», согласно индексу Р.Р. Арата (**Arat, 1979:24**). В 9-ти из 16

случаев арслан выступает в прямом значении, т.е арслан «лев» - животное, а в остальных 7 (семи) в метафоризованных сочетаниях, так как «... слово, взятое изолированно, вне контекста не может рассматриваться как метафора, поэтому при анализе плана выражения учет фразового окружения контекста является необходимым условием» (Рыньков, 1975:10). Таким образом, в семи случаях арслан с окружающими словами выступает в переносном значении, передавая образ храброго, отважного человека и выражает следующие значения:

1. арслан “лев” в сочетании с “kir” семантически передает значение «отважный герой». Согласно ДТС kir переводится “смелый”, “отважный” (ДТС, с. 328). Таким образом, сочетание kir арслан (букв: отважный лев).

В древнетюркском языке kir использовали чтобы усилить значение данного словосочетания или придать большую экспрессивность слову лев, выражая силу, храбрость и мощь этого животного, а в переносном значении передает образ храброго воина. Для современных тюркских языков kir является архаизмом.

Итак, в поэме kir arslan используется для того, чтобы придать человеку качества, характерные льву, т.е. силу, отвагу, мощь, власть и встречается в поэме довольно часто. Особенно можно выделить бейты 2013, 2347. Например:

2013. Кър арслан болу бърсэ ытка башы

Бу ыт барча арслан болур ¼з т³ши

(букв. Если отважный лев будет предводительствовать над собаками.

То все эти собаки в результате будут львами).

Иванов С.Н. дает следующий перевод данного бейта на русский язык:

2047. Когда над собаками лев голова,

Любая собака похожа на льва.

Английский перевод У.Мейя:

2047. Whenever a lion o'er dogs takes the lead

Then any poor cur roars like lions, indeed!

(букв: Когда лев над собаками главенствует.

Тогда любая дворняжка будет рычать как лев).

Как видим, в этом бейте основным моментом является то, что в русском и английском переводах полностью отсутствует значение прилагательного kir, которое придает особый оттенок слову арслан. А также кър еще ярче подчеркивает контраст между двумя совершенно противоположными животными: kir арслан и ит, «лев» и «собака».

Аналогичное явление наблюдается и в бейте 2347, где К³р арслан упоминается в этом же значении:

2347. Чэриг к¼рсэ алп эр к³р арслан болур,

Сэкирт³р йа ¼лдр³р йа уршу ¼пър

(Увидев войско доблестный муж становится отважным львом)

С.Н.Иванов дает следующий перевод данного бейта:

2883. Муж доблестный в битве становится львом,

Сразить или пасть, а скакать напролом.

2883. Английский перевод У.Мейя:

A valorous man is a lion in the fight:
He stands or he fails, moves not left, and not right.

(букв: Доблестный муж становится львом в битве
Он выстоит ее или умрет, не делая шаг ни влево, ни вправо).

В этом бейте также отсутствует «к³р». И также как и в предыдущем примере бейт лишен качеств, придаваемых прилагательным к³р.

Надо полагать, что тюркская поэзия была настолько богата и красива в том плане, что она также была стилистически украшена разными видами тропов. В частности, в вышеупомянутых бейтах автор изображает не только льва, а рисует силу, объемность, некую мощь этого животного, именно через слово к³р. Если глубоко вникнуть в суть словосочетания «к³р арслан», то Юсуф Баласагуни нарисовал образ отважного, властного и в то же время положительного героя, чего нельзя сказать о русском переводе С.Н.Иванова и английском У.Мейя. Бейты 2013 и 2347 лишены данных оттенков. Переводы на русский и английский языки без прилагательного к³р оказались нейтральными, т.е. посредственными. Конечно, может С.Н.Иванов хотел сказать, что лев и сам является сильным и отважным животным, но в данном случае бейты были бы оригинальнее, если бы переводчики сохранили те же устои и каноны, что и в оригинале, так как из примера видно, что Юсуф Баласагуни использовал стилистически яркий образ сравниваемый с к³р арслан.

2. Следующей метафорой с участием слова «арслан» является метафоризованное сочетание к³р арслан м³н³гли, которое обозначает выражение «занимать почетную должность», а буквально переводится «сесть на отважного льва». Например в бейте 2318:

2318. Удуг бэг с³си к³р б³кэ йолчылыг
К³р арслан м³н³гли кылыч камчылыг

Согласно ДТС (odug beg susi kor buka jolçilig – войско у бдительного бека – [словно] ведомое драконом) (ДТС, с. 271).

К³р арслан м³н³гли кылыч камчылыг

Если сел ты на отважного льва мечом погоняй.

В данном бейте метафорой выступает не только второе полустипение, но и первое, т.е. войско у бдительного бека, ведомое драконом. Как видим, метафора с участием buka «дракон» (ДТС, с. 132) символизирует также как и слово лев – храбрость, отважность бека.

Но, нужно сказать о некоторых расхождениях во время анализа данного бейта. Обнаружено, что в подстрочнике Каюма Каримова (Каримов, 1971: 384-385), а также в узбекском переводе в связи с фонетическим сходством слов б³гэ и букэ, с³эзи и с³си переводчик допустил грубые ошибки. Например: 1) слово susi

от слова *su* – «войско» в родительном падеже *susi* переведено *сёзи* т.е. «слово». В итоге получилось: Бдительного бека слова ... - вместо «войско у бдительного бека». 2). Вместо *buka* – большая змея/дракон переводчик использовал *boga* – силач [ДТС, с.116]. А также совершенно неадекватно переведено все первое полустиише. Семантика его полностью нарушена.

В результате вышеупомянутых изменений в первом полустииши бейта 2318 допущены такие же пробелы в русском и, соответственно, в английском переводах. Например:

2354. Совет тебе мудрого бека слова
Мечом погоняй если сел та на льва.

Или английский перевод У.Мейя:

2354. And so I advise you, my wise headed lord:
“If you sit on a lion, drive on with your sword!”

(букв: Итак, я советую тебе мой мудрый бек:

Погоняй мечом, если ты сел на льва).

Как видим, данный бейт имеет совершенно разные переводы во всех трех вариантах (в подстрочнике русском и английском). Внутри последних двух даже имеются расхождения. Если в русском: Совет тебе бека слова, а в английском: Я советую тебе, мой мудрый бек, хотя оба перевода далеки от оригинала. Данный бейт 2318 содержится в главе 30, где Огдюльмиш рассказывает Элику, каким должен быть муж, возглавляющий войско. И даже само название главы должно было толкнуть переводчиков всех трех вариантов на то, что в бейте речь идет не о словах или о совете, а о войске.

Слово *с³си* в современных тюркских языках не функционирует и данный термин является историзмом. А бейт 2354 согласно ДТС переводится:

Удуг бег *с³си к³р б³кэ йолчылыг*

У бдительного бека войско (словно) ведомое драконом, т.е. бек, словно храбрый дракон ведет свое войско, потому что в истории всех народов победа над врагами одерживалась именно благодаря ловкости, уму, храбрости и хитрости полководца-вожака. Все зависело какой человек стоит во главе войска.

Таким образом, вышеприведенный анализ бейта 2354 доказывает, что самым верным и адекватным переводом является перевод в ДТС [ДТС, с.271]. Этот факт еще раз подтверждает многогранность глубины знаний тех тюркологов, которые участвовали в создании такого бесценного словаря.

В истории тюркских народов язык всегда занимал особое место. Доказательством тому служат множество пословиц, поговорок, крылатых слов, которые внесены тюркскими народами в мировую сокровищницу народной мудрости. Одним среди них является поэма Ю.Баласагуни «Кутадгу билиг». Одну из 87 глав Ю.Баласагуни полностью посвятил языку, где он философски размышляет о достоинствах и пользе языка (глава 7, 30 бейтов).

Известно, язык является основным атрибутом, демонстрирующим красоту, величие, богатство, самобытность культуры любого народа. Также и в тюркской

культуре язык занимает особое место. Существуют множество литературных памятников, с помощью которых можно определить насколько глубоки корни изучения языка. Язык как и сам народ древен, сколько лет народу, столько и языку. Народ – носитель пословиц, поговорок, выражения их идей, взглядов и мыслей. Доказательством этому служат множество пословиц и поговорок. Например, в киргизском языке для определения функций языка, восхваления его силы в народе используют такие пословицы и поговорки: Тил жандан ётёт, таяк сөөктөн ётёт. Жакшы сөзгө жылан ийинден чыгат. Бычак кеспегенди тил кесет и т.д.

Таким образом, из данных пословиц вытекает, что язык является не только средством общения, но и обладает особенной духовной силой и властью. Именно эти качества языка описаны в поэме Ю. Баласагуни «Кутадгу билиг» в разных оттенках.

Разнообразие использования приемов, при помощи которых автор рисует язык многогранна. Здесь можно встретить разные художественные средства (метафора, сравнения, эпитеты и т.д.), которые образно передают достоинства языка. Например, в бейте 160 говорится:

160. Тил арслан туруп кӱр эшикдэ йатур
Айа эвл³г арсык башы⁴ны йэй³р
Til arslan turur kor esikda jatur
Язык – лев, смотри, лежит у двери
Aja evlug er saq (siq) basinni jejur

О, хозяин дома, будь внимателен, он съест твою голову (ДТС, с. 190).

Тил арслан туруп – является метафорой, кроме этой метафоры в бейте есть и другое метафорическое сочетание – тил арслан башыны йэйр (букв. Язык – лев, съест твою голову). Здесь Ю.Баласагуни сравнивает язык со львом и говорит о его превосходстве, о его мощи, а не как о звере, который готов съесть все, что угодно. В данном случае автор подчеркивает именно положительные качества языка, предупреждая если сделаешь что-нибудь неверно, то он [язык] съест тебя.

К сожалению, в русском переводе бейта 160 метафора не сохранилось.

164. Язык словно лев, что лежит у ворот:

Едва оплошаешь тебя он сожрет.

Метафора также и не сохранилась в английском переводе:

164. A language is like a wild lion at the gate –

You make just one slip, and you are torn down by fate.

(букв. Язык словно дикий лев у ворот,

Только споткнешься и ты растерзан судьбой).

Вместо метафор переводчики русского и английского вариантов предпочли сравнения (язык словно лев, и A language is like a lion – язык словно лев). Исходя из этих мыслей, невозможно допустить, как величайший знаток тюркской поэзии не заметил при переводе, что метафора превратилась в сравнение. С.Н.Иванову удалось достичь две задачи. Он верно передал смысл, вследствие чего перевод

стал явлением национальной литературы, но неверно передана художественная особенность, в частности, вопросы, касающиеся тропов. Воспользовавшись русским текстом поэмы У.Мей также повторил ошибки С.Н.Иванова.

Известно, что основным кредо каждого переводчика, тем более перевода произведения такой значимости, памятника древнетюркской литературы как «Кутадгу билиг» не должен подвергаться каким-либо вольным изменениям, потому что перевод должен быть максимально близок к оригиналу и также должен сохранить все национальные особенности характерные той золотой эпохе тюркской культуры, потому что именно «Кутадгу билиг» вобрал в себя все передовые идеи, характерные тому времени, в противном случае произведение потеряет свой колорит или, как в данном случае, подвергнется изменениям художественные особенности произведения.

Проанализировав бейт 160 нужно сказать, что если бы переводчик-тюрколог С.Н.Иванов последовал тем же принципам, о которых писал сам: « ... Перед переводчиком поэтического текста стоит триединая задача: во-первых, верно передать смысл, адекватно воспроизвести поэтический мысль подлинника, во-вторых, передать его художественные особенности, т.е. воссоздать его поэтику, и в-третьих, добиться того, чтобы перевод стал явлением родной национальной литературы, для чего необходима высокая степень эстетического совершенства, т.е. художественность перевода» (**Юсуф Баласагуни,с.47**), - то его перевод, в плане передачи художественных особенностей, как при бейте 160 был бы более адекватным и точным.

В поэме также содержатся метафоры с участием слова арслан, в которых арслан «лев» противопоставляется с образом собаки, подчеркивая храбрость льва и трусливость собаки, и, соответственно передают такие же качества, присущие человеку. Такого рода метафоры в лингвистике можно назвать антитетичными метафорами.

Исследовав орхоно-енисейские письменные памятники, а также поэтику фольклорных материалов «Дивану лугат-ит турк» И.В.Стеблева по этому поводу пишет: « ... характерным примером изображения в древнетюркской поэзии было использование развернутых антитетичных конструкций, основанных на семантических противопоставлениях, имеющих религиозно-мифологическое происхождение ...

Используемые в древнетюркских повествовательных текстах слова-антонимы в парных сочетаниях, противопоставленные понятия, образующие антитетичные смысловые конструкции, составляют существенную часть художественного языка древнетюркской литературы» (**Стеблева, 1988:176-188**).

Таким образом, использование антитетичных смысловых конструкций было характерно и являлось одним из особенностей древнетюркской литературы, так как с их помощью автор достигал выразительности, афористической отточенности речи.

Таких конструкций с участием арслан встречается 2, бейты 2014 и 280:

2014. Калы болса арсла^нқы ыт башчысы
Бу арслан болур барча ыт сақышы.
Qali bolsa arslanqa it basçisi
Если собака будет преводительствовать львами [ДТС, с. 221]
Все эти львы будут собачьего рода.

С.Н.Исванов перевел данный бейт следующим образом:

2048. А если над львами главенствует пес
Собачьего будут все львы естества.

2048. But if some poor hound o'er the lions should reign –
Then lions would look just like curs, once again!
(А если охотничья собака будет властвовать над львами
Тогда львы будут точно выглядеть как дворняжки).

Вторым случаем использования слова арслан в антетичных конструкциях является бейт 280.

280. Ми^н эрдем кэрэк бу жахан тутгука
К^{эр} арслан кэрэк бу кулан басгука
(букв: Тысячи доблестных мужей нужны чтобы поймать этого слона
jahan - слон) (ДТС, с. 224).

Kur arslan kerak kez qulan tutjuqa – нужно [быть] отважным львом
для того, чтобы поймать быстрого кулана. qulan – кулан, дикий азиатский осел
(ДТС, с. 465).

Во втором полустииши этого бейта автор образно передает каким должен
быть муж, который стоит во главе народа, подчеркивая, что он должен быть
сильным и отважным как лев, чтобы ему подчинялись все в его владении и
сравнивает последних с куланом. А кулан, как мы знаем, дикое животное.

Русский вариант перевода данного бейта:

284. Умелым быть должен властитель всех стран
Лишь грозному льву покорится кулан.

284. In all lands the leader must be wise and bold
A strong lion only can antlered stags hold.

(букв: Везде вождь должен быть мудрым и храбрым
Лишь сильный лев может взять оленя за рога).

В английском переводе во втором полустииши полностью изменен смысл
бейта. Во-первых, может ли лев взять оленя за рога? Во-вторых, переводчик
перешел за пределы норм перевода, т.е. потеряна реальность бейта и его колорит.

Как видим, посредством использования антетичных конструкций автор
«Кутадгу билиг» образно передает каким должен быть вожак-военачальник.
Данная конструкция помогает более ярче, четче и резче подчеркнуть
сопоставляемые предметы. Это и является ее преимуществом.

Теме каким должен быть военачальник Ю.Баласагуни посвятил целую главу,
где один из героев «Кутадгу билиг», Огдюльмиш, дает совет Элику по поводу

выбора военачальника для его [Элика] войск, образно сравнивая его [военачальника] то со львом, то с драконом, то с собакой в разных значениях. Например, в бейте 2318 Юсуф Баласагуни сравнивает военачальника с драконом:

2318. Удуг бег с³си к⁴р б³кэ йолчылыг

(Войско у бдительного бека [словно] ведомое драконом) (ДТС, с.271).

А в бейте 2014:

Калы болса арсла⁴кы ыт башчысы

Бу арслан болур барча ыт сакышы (ДТС, с. 221).

Если собака будет предводительствовать львами,

Все эти львы будут собачьего рода.

Здесь же Юсуфа Баласагуни противопоставляет собаку льву со львом, подчеркивая, что если во главе его войск стоит трусливый человек, то все его войско может стать таким же трусливым, как его военачальник.

Как нами упоминалось выше, идею противоположную бейту 2014 автор развил в бейте 2013:

Кър арслан болу бэрсэ ытка башы

Бу ыт барча арслан болур ¼з т³ши

(букв: Если отважный лев будет предводительствовать над собаками

То все эти собаки в результате будут львами).

Исходя из вышеприведенных примеров, мы убеждаем насколько велика сила метафоры, в частности антитечных метафор, целью которой является еще ярче, еще резче выявить те качества, которые описываются. Таким образом, подобное соединение антонимов усиливает и подчеркивает значение одного из них, речевая избыточность при этом выполняет конструктивную функцию – служит средствам актуализации понятия, на которое автор хочет обратить особое внимание.

Очень большую роль сыграли в «Кутадгу билиг», в целях наиболее четкой и емкой передачи некоторых понятий, антитечные метафоры с участием слова bogi “волк”.

Известно, что использование слов - антонимов в древнетюркских текстах было характерным для данного языка явлением.

Аналогичным примером вышесказанному являются противопоставления: кър арслан – ит (лев - собака) или бери – кой (волк - овца), которые не один раз встречаются на протяжении всей поэмы. В одной из глав «Кутадгу билиг», посвященных главному герою поэмы – Элику Кюнтогды (12-я глава), подчеркивая единство, дружбу, счастливую жизнь в государстве Элика со времени его правления, Юсуф Баласагуни посредством противопоставления таких животных как волк и овца, образно передает дружную жизнь, говоря, что даже такие противоположности могут придти к согласию, если у власти стоит справедливый правитель:

Например: 439. Элин этти тузди байуды будун

Б⁴ри кой билэ сувлады ул ¼д³н

(букв. Объединил свой народ, и разбогател народ)

boġi qoġ bila suvladi ol odun – в то время волк и овца ходили вместе на водопой (ДТС, с.118)

Итак, в обществе все (богатые и бедные) стали равны и дружны.

Перевод С.Н.Иванова:

Богаты все стали, дружны меж собою

И волк и овца вместе шли к водопою.

У У.Мэя:

All prospered, and friendship and care was the rule,

And lion and lamb jointly lapped at the pool.

(букв. Все стали богаты, дружба и забота стали правилом.

И лев и овца вместе пили с заводи)

Как видим, в английском переводе вместо волка переводчик употребил лев (lion), хотя в оригинале упоминается «волк» boġi. А также, волк и овца куда более противоположны, чем лев и овца, хотя и лев и волк являются хищниками. Такая же замена встречается и в следующем бейте:

3057. Тирилди бир анча йурыды бу йа¼

Б¼ри токлы бирлэ куры болду тэ¼ [козы]

(букв. Продолжался такой образ жизни некоторое время

boġi toġli birla qozi boldi tep волки и ягнята тали равны)

/toġli – шестимесячный ягненок, овца/ (ДТС, с.577).

С.Н.Иванов же переводит :

3096. Дни днями сменялись и шли втихомолку,

Привольно жилось и ягненку и волку.

У У.Мэя:

3096. Then day folowed day, and the years passed on by –

At peace lambs and the lions did lie! ...

(букв. Затем дни шли за днями, и годы проходили один за другим

в мире жили и ягнята и львы).

Как мы упоминали выше, в этом бейте английский переводчик также вместо «волк» употребил «лев».

Метафора со словами антонимами «бёри» и «koġ», «kozi» встречается также в бейте 1026:

Кутулды будун кэтти эмгеклэри

Козы бирлэ катлыб йуруды б¼ри.

qutuldi bodun ketti emgaklari – освободился народ, исчезли его мучения

(ДТС, с.172).

qozi birla qatlır joridi boġi [даже] волк ходил вместе с ягненком (ДТС, с. 462)

1040. Где волен народ, бедам сгннуть дано:

Там овцы и волки живут заодно.

Этот же бейт в переводе на английский язык:

1040. Where people feel free, there's no woe for their lord

The lion and the lamb then can live in accord!
 (букв. Где люди свободны, нет горя их правителю
 Лев и ягненок там могут жить заодно!)

Итак, рассмотрев бейты с участием слов антонимов «qoi» и «bogi», мы приходим к выводу, что эти образы наиболее ярко и четко передают мысли автора и, кроме того, так как для тюрка неотъемлемой частью его жизни являлся скот, в частности, овца, а волк являлся хищником, который бесконечно нападал на стада овец, эти образы подчеркивают невозможность их совместного существования. Как видим, автор не говорит буквально об их дружной жизни, а образно передает, что «овцы» - это народ, а «волк» - люди на верхушке власти, так как нам известно, что овца «тихая», «терпеливая», а волк «ненасытный», «жестокий».

Помимо этих значений, в киргизском языке и в других тюркских языках есть и другие значения, связанные со словом bogi «волк»: «баатыр» (герой, смелый), «тайманбас» (неустрашимый), «зулум» (жестокий), «ач кѐз» (ненасытный)¹.

В поэме «Кутадгу билиг» bogi «волк» встречается в этих значениях и упоминается 15 раз, т.е. в 15 бейтах². В 9 из 15 встречается в метафоризованных сочетаниях. Например bogi в сочетании с прилагательным kĕk. Т.е. kĕk bogi семантически передает значение слова «богатырь». Аналогичное kor arslan «смелый лев».

Данные сочетания также являются эпитетами, в частности, метафорическими эпитетами, и довольно часто встречаются на протяжении всей поэмы. Итак, метафорические эпитеты – это эпитеты, выраженные словами, выступающими в переносных значениях (Голуб,1986:235)

Еще глубже раскрывая суть и функции метафорических эпитетов Еремина В.И., по этому поводу пишет: «Метафорический эпитет будет рассматриваться как определенный момент развития метафорического мышления, как особая форма выражения метафоры, где действуют те же, что и в метафоре закономерности: отвлечение, сходство, конкретизация, но принципы эти претерпевают здесь значительные изменения. Если основными закономерностями собственно литературы является сходство и отвлечения, то в метафорическом эпитете главным становится принцип конкретизации» (Еремина,1967).

Таким образом, ранее упомянутый принцип конкретизации и является главным в метафорическом эпитете. Например, руководствуясь именно этим принципом и изображая охотничье искусство Элика в главе 71, где Одгурмыш дает наставления Элику, поэт пишет:

5265. Калыкда учуглы кара куш йоры
 Сени¼дин кэч³мэс аяа к¼к б¼ри
 (букв. Парящий в небе черный сокол

¹ Сапарбаев А. АКД Метафоры в эпосе «Манас». Ф., 1975. С.13

² Arat Resit Rahmati. K.B. III Indeks. Istanbul, 1979. С. 105

Не убежит от тебя, пощади, бурый волк «богатырь»)

Русский перевод данного бейта по С.Н.Иванову:

5379. И даже парящий в высотах орел –

Никто, бурый волк, от тебя не ушел.

У.Мэй же перевел на английский язык:

5379. And even the eagle, which in the height hangs,

Not one, gray – brown wolf, can escape from your fangs.

(букв. И даже орел, что парит в высоте

Никто, бурый волк, не может спастись от твоих клыков).

Обращение к *boǵı* “бурый волк” – к носителю власти не случайно. Волк был тотемом многих тюркских племен, а “бурый волк” является у тюрков одним из самых устоявшихся положительных эпитетов богатырей. Например, в эпосе «Манас» так и именуется – «бурые волки» кёк бёрълёр. Юсуф Баласагуни и в этом случае использует традиционный для тюркского фольклора образ, бытующий с очень давних пор для названия полководца и его дружины, и связанный с тотемическими представлениями тюрков (**Юсуф Баласагуни, 1990:40**). Например, в поэтической сокровищнице тюркского народа, в эпосе «Огуз-наме» сивый волк является образом, ведущим войска Огуз-Кагана к победе. Огуз-каган призывает свой народ на поход, в целях расширения своих земель и говорит: «Я стал вашим каганом, возьмем-ка луки и щиты, тамгою пусть будет нам «благодаря», «сивый волк» пусть будет ураном» (**Oguz-Name, 2000:18-19**).

Или же другой пример из той же поэтической сокровищницы тюркских народов: ... в шатер появился сивовласый, сивогривый, большой волк.

Известно, что животноводство и охота являлись неотъемлемой частью, а также основным родом занятий тюркских народов. Поэтому в произведениях этих народов (пословицы, поговорки, легенды, сказки и т.д.) значительно часто встречаются метафоры, тесно связанные с названиями домашних и диких животных. Например, в культуре многих тюркских народов для обозначения красивых глаз женщины употребляются метафоры «кой кёз» «овечий глаз», «бото кёз» «глаз верблюженка».

Сделав столь обширный анализ метафор в «Кутадгу билиг» и рассмотрев их в плане не только древнетюркского языка, но и в разносистемных языках как русский и английский, считаю необходимым в общем выделить некоторые особенности использования метафор, связанных с животными у различных народов на современном этапе.

Сфера употребления метафор этой группы у различных народов неодинаковы, что объясняется различными историческими условиями жизни, развития народов, их психических особенностей. Например, ранее упоминавшиеся метафоры кой кёз «овечий глаз» и бото кёз «глаза верблюженка» при переводе на русский или английский языки совершенно теряют свою образность, также теряется и смысл словосочетаний.

Или другой пример в индийской литературе корова считается самым добрым, нежным, любвеобильным животным (Баранников, 1959:107). Поэтому слово «корова» как метафора употребляется лишь при положительной характеристике. А в ряде тюркских языков, «корова» - «нерасторопный», «ротозей», «увалень» и т.п. Поэтому в современном кыргызском языке существуют такие выражения как: «уйдай чайнап», «жевать как корова», «уйдай жатат» - «лежит как корова». Корова часто подразумевается под словом «скот». Также и в «Кутадгу билиг» Юсуф Баласагуни противопоставляет скот с глупым невеждой. С древнетюркского языка «уд» - «корова», jilki – «скот».

974. Кара карны тодса кыр уд-тэг йатур

Йава с/зкэ авнур /зин сэмрит³р.

Qara qarni todsa kor ud teg jatur /Java sozka avnur ozin semirtur когда у простоловина сытый желудок, он лежит, как вол, развлекается праздным разговором и наращивает жир (QVK 39) (ДТС, с.69).

По С.Н.Иванову:

988. Невежда наестся – лежит, словно вол:

Впустую мычит он, от жира тяжел.

Английский перевод данного бейта:

988. A fool stuffs himself, and then lays down, like a bull,

He stupidly moos, when his belly is full.

(букв: Глупец наполнит себя и лежит как вол,

Он глупо мычит когда его нутро полно).

Или: Йэсэ тодса йатса бу йылкы турур

Бу йылкы тэдъкъм бу кылкы турур.

(букв: Если насытившись лежит значит он скот

Этот скот поэтому обладает такими манерами).

Данный бейт по С.Н.Иванову:

989. Наевшись, валяться присуще скотине –

Скот так и зовется по этой причине.

У.Мей перевел данный бейт:

989. But bulls even think, when the cud twice they chew –

And that's something more than some idiots do!

(букв: Но даже скоты размышляют, когда они пережевывают^{*}

И это что-то больше чем некоторые идиоты делают).

В английском переводе допущен вольный перевод, который не соответствует ни подлиннику и ни русскому переводу.

Из примера со словом «корова» видно, что данное слово не потеряло свое значение и по сей день. Когда люди хотят дать образ ленивого и толстого человека, они часто передают это через слово «корова», в отличие от некоторых нетюркских культур.

*

Подобные различия встречаются и в языках народов, одинаково развивающихся. Так, если в казакском языке для обозначения «ребенка» (бала) употребимы все виды приплода домашних животных, то в киргизском языке «козу» (ягненок), «музоо» (теленка) в значении «бала» (ребенок) не метафоризируются. Ср.: в обоих языках: ты мой жеребенок, ты мой верблюжонок, и т.п. ласковые обращения к детям (**Сапарбаев, 1975:9**).

Вместе с тем, мы должны отметить наличие сходной метафоризации в разных языках. Так, в русском, английском, немецком, а также в тюркских языках. Лиса–«хитрый», изворотливый человек, в этом же значении в бейте 2276 в «Кутадгу билиг» заяц–«трус», осел–«туповатый», лев–«храбрый, бесстрашный», который и является основным объектом метафоризации данной статьи. В поэме «Кутадгу билиг» также упоминаются следующие животные: тигр–«хваткий», «ловкий» (2274), кабан–«упорный» (2275), медведь–«свирепый» (2275), сорока–«бдительный», «зоркий» (2277), ворон–«дальноокий» (2277), сова–«недремляющий» (2278) и т.д.

Таким образом, эта общность объясняется схожестью художественного мышления у разных народов по отношению к предметам, их объективным признакам, свойствам, действиям. Поэтому «в каждом конкретном языке процесс метафоризации имеет специфические формы проявления в зависимости от особенностей языка» (**Richter, 1938**). Как показали анализы метафор «Кутадгу билиг» и их переводы, язык поэмы многогранен. Он впитал в себя все богатство словесной, речевой культуры тюркских народов. Язык поэмы является не только отражением художественного мастерства поэта, но и является неувядающим свидетельством лексического богатства древнетюркского языка.

По существу, поэма «Кутадгу билиг» вобрала в себя все мировоззрение поэта, «представляя собой политический и морально-дидактический трактат и, одновременно, тщательно разработанный свод правил поведения человека в обществе, семье и в быту. Такое сочетание было традиционным для восточных «зерцал» средневековья» (**Баролина, 1969**) поэтому в настоящее время одним из самых главных задач, стоящих перед лингвистами-переводчиками является обеспечить максимально точный перевод адекватный подлиннику, который бы воплотил в себе все богатство древнетюркского языка, сохранив все его особенности и, конечно, его национальный колорит. А задачи изучения этого сочинения сложны и многогранны.

Литература

- Валитова А.А., (1961), **К изданию критического текста и перевода «Кутадгу билиг».** //Краткие сообщения Института народов Азии. Т. XVII. М.
- Стеблева И.В., (1970,), **Поэтика «Кутадгу билиг».** /Современная тюркология, №4.
- Юсуф Баласагуни,(1990), **Благодатное знание.** /перевод С.Н.Иванова. Л.
- Винокур Г.О., (1959), **Избранные работы по русскому языку.** М.,
- Сапарбаев А. АКД., (1975), **Метафоры в эпосе Манас.** Ф.
- Arat Rasit Rahmati., (1979), **Kutadgu Bilig Indeks Istanbul.**
- Рыньков Л.Н., (1975), **Именные метафорические словосочетания в языке художественной литературы XIX века.** Челябинск.
- Древнетюркский словарь.**
- Каримов К. Юсуф Хос-Хожиб., (1971), **Кутадгу билиг.** Тошкент.
- Стеблева И.В., (1988), **К вопросу формирования образной системы лирики в классической тюркоязычной поэзии** //Проблемы исторической поэтики литератур Востока. М.
- Голуб И.Б., (1986), **Стилистика современного русского языка.** /Высш. шк. М.
- Еремина В.И., (1967), М.
- Oguz-Name., (2000), М.
- Баранников А.П., (1959), **Индийская филология.** М.
- Лясота Ю.Л., (1953), **Роль метафорических слов и выражений в развитии словарного состава языка (на мат. сов. англ. яз.),** А.К.Д. Л.
- G.Richter., (1938), **Studien zur Geschichte der alteren arabischen Fürstenspiegel.** Leipzig.
- Баролина И.В., (1969), **Поэма «Кутадгу билиг»** - В кн: Юсуф Х-Х. Наука быть счастливым. Пер. Н.Гребнева. т.,
- Самойлович А., (1928), **Дополнения к предложенным Радловым и Томсеном к переводам одного стиха«Кутадгу билиг».** – докл. АН, серия В, №4.
- Yusuf Balasaguni. **Beneficent Knowledge.** Moscow @ Bishkek, 1998
- Англо-русский словарь.** (1960), М.